

Некоторые аспекты изучения этноэтики (на примере мордовского этноса)

Е. Н. Ломшина,
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства,
заведующая научно-исследовательской
лабораторией финно-угорской культуры
ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева»
(г. Саранск, РФ)

Этноэтика изучает нравственную культуру этносов (племен, народностей, наций). Она выделилась в особую отрасль этического знания, которая пока находится на стадии формирования. В становление этой дисциплины внесли вклад несколько школ и направлений мировой науки, в число которых входит этнопсихологическая школа американской культурной антропологии (М. Мид, Р. Бенедикт), сформировавшаяся в США в начале XX в. Предпосылки этноэтики можно найти в произведениях Н. М. Данилевского, О. Шпенглера, А. А. Потебни, Н. А. Бердяева, Л. Н. Гумилева и др. В отечественной науке первым, кто предложил термин «этноэтика», был Д. Ж. Валеев [3].

Этноэтика – специфическая разновидность теории морали, изучающая типичные элементы морального сознания и стереотипы практического поведения различных исторических общностей в процессе их жизнедеятельности. Основное внимание эта наука уделяет установлению соотношения между моральными универсалиями и национально-специфическими нравственными представлениями и нормами, особенностями преломления в них общечеловеческих моральных требований.

Главными задачами этноэтики являются, во-первых, определение структуры ценностных ориентаций, обеспечивающих этническое своеобразие нравственности; во-вторых, выявление акцентировки основных ценно-

стей в рамках целостной культуры; в-третьих, введение утраченного в современный культурный контекст.

Мораль имеет общечеловеческий смысл, но тем не менее существуют разные типы нравственной культуры, в рамках которых формируются этнокультурные ценности, дающие конкретное содержание моральным нормам и императивам. Нравственная культура может быть представлена в виде системы ценностных отношений ко времени, пространству, человеческим качествам и позициям, фундаментальным связям между людьми и выражающим их символам.

Нравственная культура мордвы до последнего времени специально не изучалась. Отдельные ее аспекты отражены в работах этнографов, историков, фольклористов, филологов, искусствоведов, культурологов, литературоведов, социологов и др. Особый интерес представляет материал об этнической культуре мордовского народа, собранный финскими учеными Х. Паасоненом [9], У. Харвой [10].

Анализ генезиса нравственной культуры мордовского этноса позволяет выделить две главные основы этноморали: во-первых, это традиция, во-вторых, ценностное отношение к предкам – в темпоральном плане и ценностное отношение к своей родине, отечеству, земле – в плане локальном. Человеческой проекцией нравственной культуры этносов в ее генетических основаниях выступают мифологические образы Тюшти, Сияжара, Дуболго, Бурная, Гамзура и др., соединяющие в себе силу, необходимую для защиты родового коллектива, и постоянную готовность использовать ее в соответствующем направлении. Сила – м. *вий*, э. *вий*, – коренящаяся в связи со своим народом и своей землей и направленная им на благо, – вот, что есть духовность в ее исходно-мифологической форме. Понятие «сила» имеет общую этимологию в финно-угорских языках. Ср.: мар. *вий* ‘сила, мощь, усилие’; общепермское *vij* ‘сила’; фин. *vaki* ‘сила’; саам. *viikka* ‘изрядно, порядочно’; манс. *bay* ‘мощь, сила’; хант. *uex*

‘сила’; коми *вын* ‘сила, мощь’ [4]. Язычники верили в существование магической силы (она связывалась с деревьями, травами, огнем, водой, небом), которая могла как исцелить, так и погубить.

В мордовском языке не зафиксировано слово «мораль», «нравственность», однако весьма употребительным считается слово м. *кой*, э. *кой* ‘обычай, обряд, привычка’, и оно зафиксировано во многих словарях. Например: м. *Кодама семья – стама кой* (пословица). ‘Какая семья – таков обычай’; э. *Ташто койть* [8, 276]. ‘Старые обычаи’; э. *Мон а содасынь тиринь тетять коензэ* [8]. ‘Я не знаю привычек твоего отца’. До сих пор для выражения понятий, связанных с соблюдением традиций, используются словосочетания м. *ванфтомс койхть*, э. *ванстомс койть* «сохранять, соблюдать традиции»; м. *кирдэмс кой*, э. *кирдэмс кой* ‘придерживаться традиций, обычаев’.

Одним из важных компонентов мировоззрения было ценностное восприятие времени. Оно не мыслилось в отрыве от деятельности людей. Время воспринималось как нечто содержательное, соотношенное с определенными ценностями и нормами, сосредоточенными в поступках предков и героев народных эпосов, мифологических персонажей и, в особенности, в «нравах предков». Задачей потомков было сохранить эти ценности и нормы и постоянно корректировать по ним свое поведение. Жизнь людей получала смысл постольку, поскольку они участвовали в сакральном, следуя установленным традициям и нормам поведения. Время теряло свою самооценку,

человек проецировал свою жизнь на мифологическое время. В особенности это проявлялось в ходе празднеств, занимавших заметное место в духовной культуре мордовского этноса. Среди них выделялись религиозные обряды и праздники, связанные с аграрным земледельческим календарем: м. *Пивань куд*, э. ‘Дом пива’, м. *Киштимань куд*, э. *Киштимань кудо*, ‘Дом плясок’, м., э. *Веле озкс* ‘Мирской осенний праздник в честь сбора урожая’ и др.

Цикличность восприятия времени в нравственной культуре мордовского этноса представлена через жизнеорганизуемый образ смерти – м., э. *кулома*. Она – не абсолютный конец жизни (как и рождение – не абсолютное начало), а лишь момент ее непрерывного развития и обновления. Обращение к методологии М. М. Бахтина [1] и материалам исследований В. С. Брыжинского [2] позволяет предположить, что в культуре мордовского этноса создан образ «карнавальной смерти» («свадьба по умершему», «праздник возвращения»), хотя это понятие имеет ряд значимых отличий от западноевропейской карнавальной народной жизни. Мордовская празднично-смеховая культура предполагала локально-общинную направленность, а не всенародность, чем объясняются, например, различия в сроках проведения обрядов, их названиях и формах. Через обрядовый смех происходило преодоление смерти, давался толчок к воскрешению. Смех был тесно связан с идеей круговорота времени, сменой времени года, с солнечным циклом – вечным повторением и возвращением.

Противопоставление понятий «жизнь» – «смерть» включается в систему круговорота в природе, умирания и воскресения, как в древнеегипетском мифе об умирающем и воскресающем Осирисе, древнегреческом – об Адонисе или вавилонском – о Таммузе, и замыкается идеей возрождения. Смерть воспринимается как начало жизни в новом качестве. Так, мифологические героини Литова, Сыржа, чтобы избежать замужества без любви, обращаются к божествам и умирают, чтобы затем улететь в небеса и возродиться. По своей функции обряды умирания и воскресения тождественны, например, оргиастическому катарсису дионисии, их цель – нравственное воскресение и перерождение индивида. Возникающие архетипы, связанные с цикличностью, неизбежностью, предполагают требования сохранения традиций, ритуально-моральных предписаний, нормативного поведения членов общины.

Нравственная культура этноса характеризуется ценностным отношением к символам, в которых заключается обширный текст. В «Рождественском доме», «Доме плясок», «Доме пива» бытовали игры, связанные с образами животных (медведя и коня). У финно-угров конь являлся символом всего светлого, радостного, а также постоянно обновляющейся природы.

Ценностное восприятие социокультурных связей, человеческих качеств, установок происходит через

соблюдение отеческих традиций: культа предков, уважения и почитания сородичей, соседей (в рамках общины), авторитета старших в семье и роде, взаимопомощи, почтительности, гостеприимства.

Одним из средств регуляции и проведения в жизнь отеческих традиций являлось общественное мнение – мнение семьи, родственников, соседей, селения в целом и всей округи. В повседневном общении, во время коллективных работ, праздников демонстрировались нормы поведения, осуждались или подвергались корректировке отклонения от них.

Можно сказать, что м., э. *атянь-бабань эрямонь койть* 'отеческие традиции' выступали как образец для данной структуры в целом, они играли роль эталона нравственности. Следование этим традициям носило сакральный характер. Пронизывая все виды деятельности, отеческие традиции выполняли мировоззренческую, регулятивную, оценочную, воспитательную функции морали на стадии ее формирования или, по крайней мере, автономизации. Они диктовали не нравственную рефлексия, а тщательное исполнение обязанностей.

Нравственные отношения внутри мордовской семьи были гармонизированы как экономически, так и юридически. В духовной сфере эта гармонизация подкреплялась соответствующими связями: каждая семья поклонялась своим святыням, имела домашних духов-покровителей в образе Юртавы, Кудава.

Другой важнейший компонент мировоззрения – ценностное восприятие пространства. Как и время, эта категория выступала могущественной таинственной силой, управляющей всеми явлениями природы, в том числе жизнью людей и богов. Пространство было эмоционально-ценностно насыщено. Это нашло отражение в топонимике. Слово м. *пара*, э. *паро* ‘добро, доброе дело’ [5, 463; 8, 458], как отмечает Д. В. Цыганкин, нередко встречается в названиях сел: Промзино (Паронза) – мокшанское село в Zubovo-Полянском районе, Паракино (Пары веле) – эрзянское село в Большеберезниковском районе, Парапино (Парапа) – мокшанское село в Ковылкинском районе, Парадэле – эрзянское село в Ичалковском районе [7]. Своя земля воспринималась качественно и позитивно. Мордовский этнос мыслил себя в теснейшей и священной связи с землей своего рода. Отношение к земле есть, безусловно, отношение ценностной взаимосвязи как в ирреальном, так и идеальном аспектах нравственного сознания.

Своеобразие нравственной культуры мордовского этноса определяют не какие-либо уникальные ценности, в ней содержащиеся, а их особая акцентировка. Система моральных ценностей каждого народа включает набор универсальных общечеловеческих ценностей – почтительное отношение к старшим, родителям, женщине, гостеприимство, понятие о чести, достоинстве, скромность, толерантность, благожелательность и т. п., но их иерархия в каждом отдельном случае имеет свои особенности.

Именно иерархия тех или иных качеств специфична для таких традиционных этических систем, как гири в Японии или намус мусульманских народов. Например, принцип гостеприимства входит в моральный кодекс любого народа, но не у всех он стоит на первом месте. В мусульманской системе моральных ценностей почитание родителей является одной из главных добродетелей, а у европейских народов занимает более скромное место. Украинскую ментальность отличают такие черты, как «софий-

ное мировосприятие, акцентированно-позитивное отношение к природе» [6]. У мордовского этноса самыми ценными считаются доблесть, толерантность, почтительность. В ходе рассмотрения нравственной культуры этноса выявляются ее ценностные аспекты. В моральном сознании этноса прослеживается представление о теснейшей взаимосвязи со всеми объектами морали: как реальными (семья, род, община), так и ирреальными (боги, духи предков, пространство, время). Поведенческий аспект морали господствует над мировоззренческим.

Основные нравственные ценности прошлого жизнеспособны и в наши дни. За последнее время в Республике Мордовия в этом плане происходят позитивные изменения. Введению утраченного в современный культурный контекст придается характер целенаправленной программы, в которой намечаются конкретные пути гуманистической и педагогической деятельности и просвещения.

Изучение своеобразия моральных идеалов, обычаев и нравов, доминирующих в культуре отдельного народа, углубляет представление об этносфере общества в целом, способствует формированию нового образа аксеобития людей.

СОКРАЩЕНИЯ

м. – мокшанский;
манс. – мансийский;
мар. – марийский;
саам. – саамский;

фин. – финский;
хант. – хантыйский;
э. – эрзянский

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мордовский этнос; этноэтика; мораль; ценность; традиции

Mordovian ethnic group; ethnical ethics; moral; values; traditions

KEYWORDS

Поступила 03.12.2009

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья / М. М. Бахтин. – М., 1965.
2. Брыжинский, В. С. Народный театр мордвы / В. С. Брыжинский. – Саранск, 1985.
3. Валеев, Д. Ж. История нравственного сознания башкирского народа / Д. Ж. Валеев. – Уфа, 1984.
4. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, В. И. Гуляев. – М.: Наука, 1970.
5. Мошень-рузонь валкс. = Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. – М.: Дигора, 1998. – 920 с.
6. Пазенок, В. С. Этноэтика как феномен культуры // Культура и этноэтика. Этнические миры и культурные универсалии. – Киев, 1994. (Материалы международной конференции. Вып. 2).
7. Цыганкин, Д. В. Память земли / Д. В. Цыганкин. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993.
8. Эрзянь-рузонь валкс. = Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. – М.: Дигора, 1993. – 803 с.
9. Paasonen, X. Mordvinish Yolksichtung / X. Paasonen; Herausgeben und ubersetzt von P. Raiila. – Helsinki, 1938–1981. – Bd. 1–8.
10. Harva, U. Mordvalaisten muinaisusko / U. Harva. – Porvoo; Helsinki, 1942. – 292 s.

